Владимир
Набоков

CORPUS

Лекции о «Дон Кихоте»

Набоковский корпус

Владимир Набоков

Лекции о «Дон Кихоте»

«Издательство АСТ»
1983

УДК 821.134.2.09
ББК 83.3(4Исп)

Набоков В. В.

Лекции о «Дон Кихоте» / В. В. Набоков — «Издательство АСТ», 1983 — (Набоковский корпус)

ISBN 978-5-17-166259-2

Третий том знаменитых американских лекций Владимира Набокова по литературе составил курс, посвященный «Дон Кихоту» Сервантеса и прочитанный в Гарвардском университете в 1951–1952 годах. Подготовкой этого курса Набоков занимался с особой тщательностью — не только потому, что был приглашен в самый престижный американский университет, но и в силу сложившегося у него представления об этой книге, — представления, которое можно назвать взрывной смесью восхищения и неприятия. Тем интереснее читать его подробный разбор романа, захватывающие экскурсы в историю литературы, обращения к популярной культуре и следить за тем, как подхватываются и развиваются мысли и суждения об искусстве, обществе, этике и писательском ремесле, изложенные в двух предыдущих томах. Настоящее издание воспроизводит полный состав отобранных Ф. Боуэрсом по архивным материалам иллюстраций и рисунков Набокова, сопровождается предисловием Гая Дэвенпорта, примечаниями и комментариями редактора. Переводы заново сверены с оригиналом, часть лекций публикуется в новых переводах.

УДК 821.134.2.09
ББК 83.3(4Исп)

ISBN 978-5-17-166259-2

© Набоков В. В., 1983
© Издательство АСТ, 1983

Содержание

От редактора настоящего издания 7
Предисловие редактора 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Владимир Набоков
Лекции о «Дон Кихоте»

Published by arrangement with Mariner Books, an imprint of HarperCollins Publishers

Copyright © 1983 by the Estate of Vladimir Nabokov
Editor's Preface and Foreword copyright © 1983 by Harcourt Brace Jovanovich, Inc.
All rights reserved

© А. Бабиков, перевод на русский язык, заметка, примечания и комментарии, 2026
© И. Бернштейн (наследник), перевод на русский язык, 2017
© М. Дадян, перевод на русский язык, 2002
© Г. Дашевский (наследники), перевод на русский язык, 2017
© Н. Кротовская, перевод на русский язык, 2002
© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2026
© ООО "Издательство АСТ", 2026
Издательство CORPUS ®

* * *

От редактора настоящего издания

Третий том университетских лекций Владимира Набокова, прочитанных в Гарварде в весеннем семестре 1951/52 г. и тридцать лет спустя подготовленных к изданию американским библиографом и текстологом Ф. Т. Боуэрсом, целиком посвящен «Дон Кихоту» (1605, вторая часть – 1615) Мигеля де Сервантеса (1547–1616).

Как и в случае лекций по русской и европейской литературе, к обдумыванию романа Сервантеса и его критическому пересмотру Набоков приступил задолго до начала собственно подготовки лекционного курса, и совсем в иных целях. В конце 1940 г., вскоре после переезда в США, он получил от известного актера и режиссера Михаила Чехова (1891–1955), с 1939 г. жившего в Америке, предложение написать пьесу по «Дон Кихоту». Набоков согласился и в марте 1941 г. посетил Чехова в Риджфилде (Коннектикут), где находился его театр-студия, для обсуждения трактовки романа и составления плана инсценировки. Из подробного письма М. А. Чехова к Набокову от 12 декабря 1940 г. следует, что обсуждения начались еще в конце 1940 г. и продолжились весной следующего года. Хотя Набоков, по-видимому, спорил со своим заказчиком («Меня поместили в дормитории, и я трое суток жил с актерами и актрисами, т. е. обитал, а по вечерам работал с Дон-Кихотом над Михаилом Чеховым, т. е. наоборот, но он неумолим в своих пожеланиях касательно христианского или, вернее, антропософского апофеоза», – писал он гарвардскому профессору истории Михаилу Карповичу 5 апреля 1941 г.[1]), в подходе двух выдающихся художников к интерпретации замысла романа оказалось немало общего. Более того, некоторые акценты Чехова, сделанные в приводящихся ниже отрывках из его письма (к примеру, относительно бесчеловечных нравов той эпохи, образа жестокой герцогини, удивительных изменений в характере Санчо и влияния двух героев друг на друга, и особенно по части сопоставлений Кихота с Христом – светлое присутствие Третьего, как об этом говорит Чехов), почти без изменений повторятся затем в лекционных замечаниях Набокова.

> Отвечаю на Ваши вопросы:
>
> 1. <…> Максимум главных ролей таков: Кихот. Санчо. Графиня (люциферически прекрасная, но злая героиня[2]). Племянница (для молодой актрисы с душевным содержанием и глубиной). Негативный персонаж мужского рода (контрдействие Кихоту, антихристианское начало в пьесе). Дульцинея (простая, здоровая, очаровательная девушка, даже девка, деревенская, пышущая, веселая, радостная, смешная и пр.). <…>
>
> 2. Насчет краткой записи плана: я не очень понимаю, что Вы имеете в виду – мою собственную пьесу, о которой я Вам вскользь говорил, или план, который я предлагал как исходную точку для Вашей пьесы. Поэтому я повторю кратко все, а Вы сами решите, что то и что не то. Основная атмосфера, фон, на котором разыгрываются события пьесы: напряженное, беспокойное, трагичное, даже, пожалуй, хаотичное состояние, в котором живут люди. Чувствуется: нужна помощь, сострадание, нужны человеческие чувства. Инквизиция, войны, бессердечие дошли до предела. Болезни, эпидемии, большая смертность. Кихот ложно понял свою миссию,

[1] *Набоков В.* Переписка с М. М. Карповичем (1933–1959) / Предисл., состав., примеч., пер. с англ. А. А. Бабикова (Библиотека «Литературного наследства». Новая серия. Вып. 2). М.: Литературный факт, 2018. С. 74. В том же духе Набоков, отметив все же гениальность М. А. Чехова, 31 марта 1941 г. написал жене: «Вечером часа четыре беседовал с Чеховым о Дон-Кихоте, ему очень понравилась моя штучка, и изменения, которых он хочет, просты и, в общем, в тон. Но это будет, конечно, не моя вещь. Христианские просветления и т. д. Сегодня вечером будем опять работать» (*Набоков В.* Письма к Вере / Вступ. ст. Б. Бойда, коммент. Б. Бойда и О. Ворониной. М.: АСТ: Corpus, 2024. С. 387–388).

[2] М. А. Чехов имеет в виду герцогиню, которую Набоков в лекциях прямо назовет дьяволицей.

и вместо того, чтобы помочь тем, кто на земле, – вознесся и над землей, и над всеми ее обитателями. В конце пьесы Кихот спустился на землю, поняв ее нужды через свои собственные страдания и ошибки. Санчо совершает обратный путь – от слишком земного к земно-духовному. Оба героя в своих конфликтах невольно учат друг друга истине. Оба в конце приходят ко Христу, но не в церковном смысле, а в смысле конкретного переживания Христа как друга, как старшего брата. Говорили мы с Вами об Иезуитах, преследующих свои цели, как матерьяльные, так и духовные (может быть, деньги Кихота и его слишком большое свободомыслие). Говорили мы также о сложной сети шпионажа в среде иезуитов: не разберешь, кто начальник и кто подчиненный, графиня оказывается чуть ли не рабой того, кого мы принимали за последнюю и незначительную сошку и т. д.[3]. Ловя Кихота и влияя на него душевно и физически, иезуиты, сами того не подозревая, толкают его на истинный путь – так они вплетаются в идеологический рисунок пьесы. Центральным событием и поворотным пунктом пьесы может, как мне кажется, быть сцена у графини. Там измышления врагов Кихота достигают апогея, там же душа Кихота начинает просветляться, там же Санчо губернаторствует и тоже начинает прозревать правду по-своему. Отсюда пьеса быстро несется к концу: все темное превращается в свет, радость, и главное, выступает конкретно, хотя и невидимо, Третий между Кихотом и Санчо (Христос, которому можно протянуть руку). Общий мрачный и хаотичный фон также меняется, превращаясь в конце в свою противоположность… <…>

Сцены, которые хотелось бы иметь в пьесе:

Отъезд Кихота и Санчо ночью, тайно и странно[4]. Посвящение Кихота в рыцари в трактире. Издевательства, клоунада, проститутки, погонщики, хозяин трактира, мистицизм наизнанку. Кихот горит, душа его пылает искренним желанием добра, любовью, жаждой самопожертвования и служения и пр. и пр.[5]. Затем сцена с освобождением каторжан, где вместо благодарности Кихот встречает животную жажду свободы, грубейший эгоизм, отвратительный инстинкт жизни[6]. Затем – кукольный театр, где Кихот видит себя самого, но, может быть, еще не узнает и не понимает значения увиденного[7]. А может быть, и понимает – это будет зависеть от того, в какое место пьесы Вы вставите эту сцену. Если – у Графини, то, может быть, она может служить переломом кихотовской психологии. Хорошо бы иметь сцену на улице, где над Кихотом издевается толпа в то время, когда он уже почти прозрел. Хочется видеть Кихота, пробегающего в своем воображении всю свою жизнь в *обратном* порядке. (Мож. быть, монолог, а лучше, пожалуй, диалог, а еще лучше – Кихот и толпа![8]) Дульцинея, которая в начале, может быть, дала ему даже пощечину, неверно истолковав его к ней стремление, – теперь первая понимает его и как-то (по-СИРИНСКИ)[9] сливается с образом Третьего. Говорили мы с Вами также и о необходимости иметь постоянно насыщенные атмосферы (настроения). Говорили также и о том, как одни лица странным

[3] К этому месту Набоков сделал пометку: NB.

[4] Набоков ставил пометки на полях: порядок и число сцен в пьесе. Против этого предложения он указал: I.

[5] От слова «Посвящение» и до этого места пометка: II.

[6] От слова «Затем» и до этого места пометка: III. Ниже Набоков пометил: IV Duchess (т. е. добавить сцену с Герцогиней).

[7] От слов «себя самого» и до этого места пометка: V.

[8] От слов «Хорошо бы» и до этого места пометка: VI.

[9] От слова «Дульцинея» и до этого места пометка: III or VII (т. е. дать этот эпизод в третьей или седьмой сцене).

образом напоминают других и как бы всё снова и снова предстают перед Кихотом, хотя на самом деле они и другие[10]. Это я считаю очень важным. <…> Помнится, говорили мы и о том, что пьеса должна быть смешная и занятная. Идейная сторона должна быть *угадана* публикой. По-немецки это можно выразить словом: цвейшихтигкейт[11]. Я бы не побоялся смешать и переплести хороший, настоящий, глубокий мистицизм с юмором: юмор сверху, а мистика – андернис[12]. <…>

3. Насчет лица, которое появляется изредка, как бы руководя действием, я хотя и не знаю его, но от всей души приветствую. Чую, что в нем есть и странность, и театральность.

4. О том, как Кихот видит людей и предметы, я могу сказать только, что это целиком и вполне в том плане, который мне кажется правильным, и по стилю, и по эффекту, и с точки зрения основной идеи хороший прием.

5. Насчет ритмов и того, что по интонациям человека, говорящего в соседней комнате по телефону, можно узнать, с кем он говорит, – я уже в восторге! Приезжайте скорей! <…>

Искренне Ваш
М. Чехов[13]

Поскольку из письма Набокова к жене и письма к нему директора чеховского театра-студии Е. Сомова следует, что он приступил к этой работе и, по-видимому, составил развернутый план инсценировки (или изложение пьесы), мы можем с уверенностью сказать, что он тогда же перечитал роман. У нас, однако, нет сведений о том, в каком переводе он его читал, в русском или английском, и обращался ли к трудам сервантесоведов, как десять лет спустя, когда ему пришлось для гарвардского курса познакомиться с интерпретациями и комментариями Белла, Кратча, Мадариаги и других исследователей, полемически или одобрительно процитированных в лекциях.

Подготовкой этого курса Набоков занимался с особой тщательностью – не только потому, что был приглашен в самый престижный американский университет, но и в силу сложившегося у него собственного представления об этой книге, идущего вразрез с академической традицией, – представления, которое можно назвать взрывной смесью восхищения и неприятия. Тем интереснее читать его подробный разбор «Дон Кихота», захватывающие экскурсы в историю литературы, обращения к популярной культуре и следить за тем, как подхватываются и развиваются мысли и суждения об искусстве, обществе, этике и писательском ремесле, изложенные им в двух предшествующих курсах, посвященных русской и европейской литературе. С другой стороны, этот том, полностью отданный «Дон Кихоту», можно рассматривать как своего рода введение ко всему корпусу набоковских лекционных материалов, – не только потому, что Сервантес предшествует всем другим писателям, избранным Набоковым для лекций по русской и европейской литературе (Дж. Остин, Ч. Диккенсу, Н. Гоголю и проч.), но и по той причине, что «Дон Кихот» в известном смысле является предтечей современного романа, и Набоков не упускает возможности указать на использование тех же приемов или на те же особенности у русских и европейских писателей XVIII–XIX вв. («Любовь Сервантеса к природе типична для так называемого итальянского Ренессанса в литературе – перед нами одомашненный мир неизменных ручьев, вечнозеленых лугов и приветливых лесов <…>. Этот мир останется с нами на протяжении всего XVIII века; в Англии вы найдете его у Джейн Остин»; «Сервантес, похоже,

[10] От слова «Говорили» и до этого места пометка: NB.

[11] Zweischichtigkeit – двухслойность.

[12] Underneath *(англ.)* – внизу.

[13] Полный текст письма опубликован нами в издании: *Набоков В.* Переписка с М. М. Карповичем (1933–1959). С. 75–79.

знал Испанию так же плохо, как Гоголь Центральную Россию»; «Отметим, что Сервантес прибегает здесь к испытанному приему “острова”, когда персонажи собираются вместе в некоем ограниченном пространстве – на острове, в отеле, на корабле, в самолете, загородном доме, железнодорожном вагоне. В сущности, тот же прием использует Достоевский в своих совершенно безответственных и несколько старомодных романах…»).

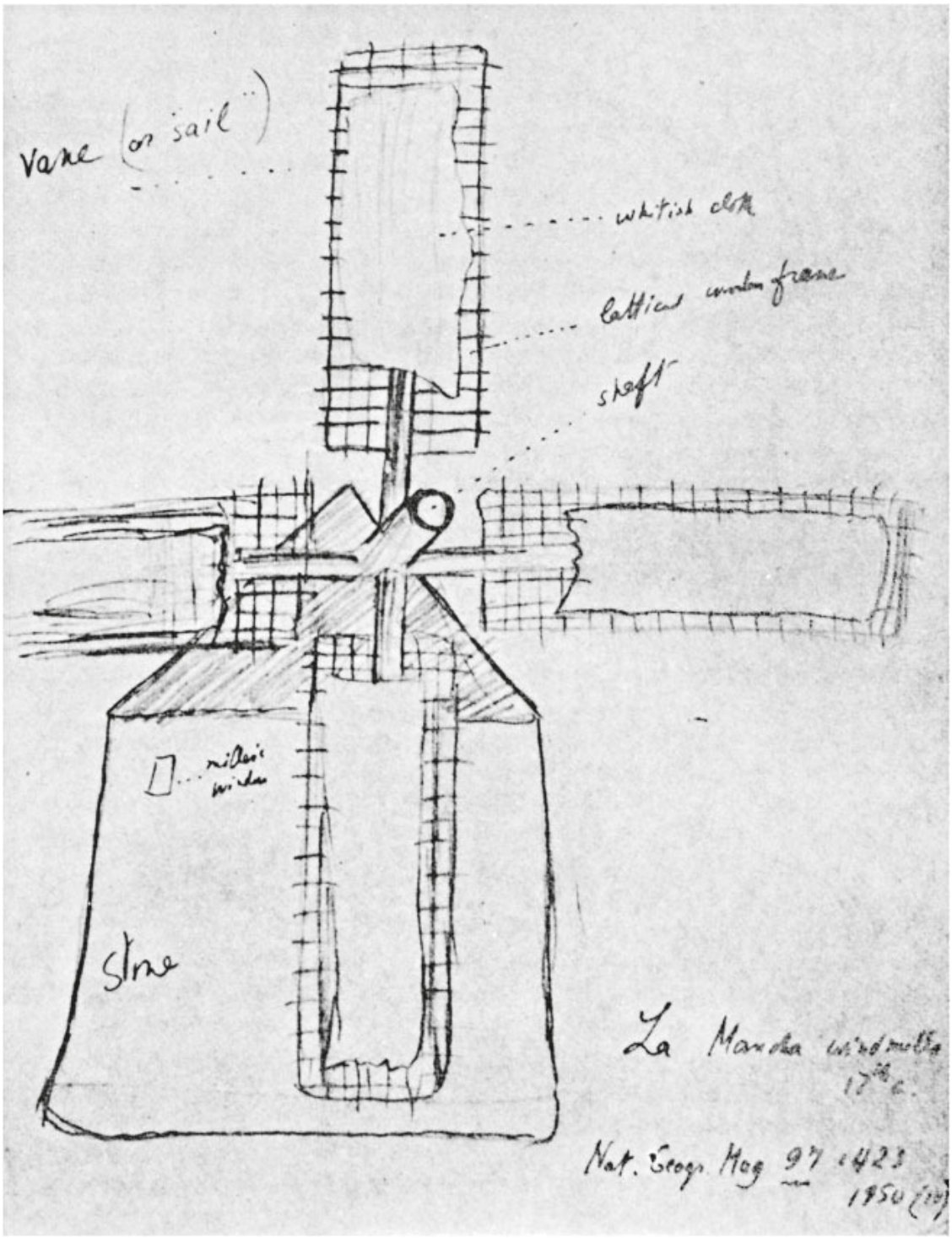
Пятнадцать лет спустя, в интервью 1967 г., уже оставивший преподавание Набоков рассказал о том, что обдумывает книгу эссе, каждое страниц на двадцать, с разбором нескольких произведений, среди которых «Улисс» Джойса, «Госпожа Бовари» Флобера, «Превращение» Кафки и «Дон Кихот» Сервантеса. Материалом для этих эссе, по его замыслу, так и не получившему воплощения, должны были стать пересмотренные корнеллские и гарвардские лекции. Относительно «Дон Кихота» Набоков прибавил, что с удовольствием вспоминает, как «разнес эту жестокую и неотделанную старую книгу перед шестьюстами студентами в Мемориальном зале, к ужасу и замешательству некоторых из моих более консервативных коллег»[14].

Действительно, в этих лекциях читатель не найдет привычного благодушного освещения классического произведения мировой литературы. Набоков не обходит стороной авторскую небрежность, грубость, повторы, трафаретные приемы и варварскую жестокость, призванную вызвать «безудержные припадки смеха». Со всем тем автор «Приглашения на казнь» не только разнес старый роман, но по-своему и *превознес* мастерство Сервантеса, сравнив его с Шекспиром, а его Рыцаря Печального Образа – с королем Лиром, и привел многочисленные примеры высокого искусства и поэзии книги.

В настоящем издании восстановлены пропуски и купюры переводов, сверены и исправлены цитаты, воспроизведен полный состав отобранных Ф. Боуэрсом по архивным материалам иллюстраций и рисунков Набокова. Издание сопровождается предисловием и примечаниями Ф. Боуэрса и предисловием американского писателя, переводчика и эссеиста Г. Дэвенпорта, а также заметкой и комментариями редактора. Переводы заново сверены с оригиналом, часть лекций публикуется в новых переводах.

Перевод сверялся по изданию: *Nabokov V.* Lectures on Don Quixote / Ed. by Fredson Bowers, Introduction by Guy Davenport. New York et al.: Harcourt Brace Jovanovich, 1983.

[14] *Nabokov V.* Strong Opinions. N. Y., 1990. P. 103. *(Пер. мой. – А. Б.)*

Набоковский рисунок ветряной мельницы XVII века с обозначением ее частей и применявшихся при строительстве материалов

Предисловие редактора

Когда в 1940 году Владимир Набоков перебрался в Соединенные Штаты, чтобы начать в этой стране новую жизнь, он, по его собственным словам[15], привез из Европы множество лекций, которые подготовил ввиду предстоявшей ему академической карьеры[16]. Однако публикуемую здесь серию лекций о «Дон Кихоте» Мигеля де Сервантеса Набоков написал специально для лекционного курса в Гарвардском университете, прочитанного им в качестве приглашенного профессора в весеннем семестре 1951/52 учебного года, когда ему был предоставлен отпуск с его постоянной должности профессора на факультете Корнеллского университета.

Одним из общеобразовательных курсов Гарвардского университета, открытых для студентов приблизительно пятью годами ранее, был курс «Классическая литература 1, 2» – первый семестр посвящался эпической поэзии и преподавался профессором классической филологии Джоном Х. Финли-младшим, а второй – истории романа и читался профессором Гарри Левином. Оба оказали значительное влияние на формирование общеобразовательной программы, в которой курс «Классическая литература 1, 2» стал визитной карточкой. Время от времени профессору Левину приходилось выполнять свои обязанности на других факультетах, и для второй части курса «Классическая литература» его по мере необходимости заменяли Айвор А. Ричардс, Торнтон Уайлдер и Владимир Набоков. По воспоминаниям профессора Левина, в разговоре с Набоковым относительно предпочтительного состава произведений, которые следует включить в курс, он высказал мнение, что «Дон Кихот» является логичной отправной точкой для обсуждения развития романа. Набоков настолько горячо согласился с этим, что приступил к подготовке серии лекций о Сервантесе специально для этого курса, за которым последовали его уже готовые корнеллские лекции о Диккенсе, Гоголе, Флобере и Толстом. Нет никаких свидетельств, что посвященные Сервантесу лекции читались позднее, после возвращения Набокова в Корнеллский университет[17].

Набоков готовился к исполнению своих обязанностей в Гарварде и к новым лекциям о Сервантесе с особой тщательностью. По всей видимости, он первым делом составил подробное, по главам, изложение романа. Поскольку его методы преподавания во многом опирались на цитирование изучаемого автора, это изложение состояло частью из его собственного пересказа и частью – из переписанных или аннотированных цитат, которые перемежались различными замечаниями Набокова о действии, диалогах, персонажах и темах романа. Набоков пользовался английским переводом «Дон Кихота», подготовленным Сэмюэлем Патнэмом и вышедшим в издательстве «Viking Press» в 1949 году (впоследствии переиздан «Random House» в серии «Современная библиотека»). Почти все постраничные ссылки в рукописях отнесены к этому изданию (не путать с сокращенным изданием того же «Viking Press», от использования которого Набоков специально предостерегал своих студентов). Он, однако, полагал, что перевод Дж. М. Коэна, выпущенный в мягкой обложке издательством «Penguin Books» в Англии в 1950 году, мог быть приемлемым.

Экземпляр книги с переводом Патнэма, которым Набоков пользовался при работе над лекциями, не сохранился, но у членов семьи писателя остался том в мягкой обложке издатель-

---

[15] См. *Nabokov V.* Strong Opinions. N. Y.: Vintage, 1990. P. 5. *(Прим. Ф. Боуэрса.)*

[16] Боуэрс имеет в виду лекции по русской литературе (см. его предисловие к тому «Лекции по русской литературе», выпущенному издательством *Corpus* в 2025 г.), которые действительно составлялись Набоковым еще в конце 30-х гг. до переезда в США. Над курсом лекций о шедеврах европейской прозы Набоков работал, уже находясь в Америке (подр. см. нашу «Заметку от редактора» в указанном издании, с. 8–11). *(Прим. пер.)*

[17] Набоков в разное время читал в Корнеллском университете лекции о Джейн Остин, Диккенсе, Стивенсоне, Джойсе, Флобере, Прусте, Кафке, Толстом, Гоголе, Тургеневе, Чехове, Достоевском и Горьком. Тексты этих лекций опубликованы в двух томах: «Мастера европейской прозы» и «Лекции по русской литературе». *(Прим. Ф. Боуэрса.)*

ства «Penguin». В нем есть карандашные линии, проведенные Набоковым на полях ряда отрывков, но, к сожалению, он содержит всего несколько маргиналий, к примеру, вопрос «Победа? Поражение?» напротив девятой главы первой части или «Начало герцогской темы» напротив тридцатой главы второй части. Мы не можем сказать, был ли этот том рабочим экземпляром Набокова, которым он пользовался на занятиях (в этом случае могли бы возникнуть трудности с цитатами, приведенными в лекциях по страницам перевода Патнэма); но, к счастью, этот вопрос не так важен из-за почти полного отсутствия в пенгвиновском томе заметок, которые редактор мог бы здесь использовать.

Раздел «Повествование и комментарий», в настоящем издании следующий за шестью упорядоченными лекциями, воспроизводит набоковское оригинальное изложение романа, написанное от руки и затем отпечатанное на машинке в удобной для последующего использования форме. После того как Набоков проштудировал роман, составив это комментированное изложение, он предпринял первую попытку подготовки собственно лекций. В его рукописях имеются данные, из которых следует, что первоначально он намеревался в повествовательной форме проанализировать структуру «Дон Кихота» на основе всеобъемлющей темы «Победы и поражения». Эти данные также подтверждают, что он составил предварительную и довольно пространную версию такой серии лекций.

Во время этой работы он извлек множество страниц из оригинальной машинописи раздела «Повествование и комментарий» и существенно изменил их хронологический порядок, чтобы они соответствовали новой главной теме. Рукописные страницы с уточнениями, дополнениями и более подробными комментариями связали переставленные машинописные страницы так, чтобы они вписались в заданную тему «Победы и поражения». Лишь позднее, после завершения этого черновика, в его воображении сформировались более разнообразные тематические предметы для рассмотрения в этих шести лекциях. И новая структурная концепция, превосходящая как хронологический обзор его первоначальных заметок, так и простое противопоставление Побед и Поражений, легла в основу изложения материла.

Затем, для придания окончательной формы этим шести лекциям – в том виде, в каком они были прочитаны в Гарварде и теперь хранятся в своих шести папках, – Набоков еще раз переписал текст, в котором использовал (по мере потребности в материале) различные страницы из черновика о «Победах и поражениях», а также дополнительные страницы из оригинальных заметок «Повествование и комментарий», добавленные к новым лекционным страницам. Он вычеркнул из машинописных страниц не предназначенный для использования материал и таким образом включил эти страницы в свою итоговую рукопись. Шестая глава, посвященная «Победам и поражениям», была полностью переписана в соответствии с новой концепцией. Лишь около сорока страниц, примерно пятая часть оригинальных заметок «Повествование и комментарий», остались в отдельной папке. Они не были использованы ни в черновике, ни в окончательном тексте лекций. При восстановлении оригинального текста «Повествования и комментария» для настоящего издания машинописные страницы этого раздела (идентифицируемые по их пагинации) были извлечены из отброшенного Набоковым черновика «Побед и поражений», а рукописные части этого черновика, где это было уместно, были добавлены к лекциям или вставлены в «Повествование и комментарий». Частично нами были использованы отдельные страницы из рукописи шести лекций, чтобы восстановить машинописный материал, который был исключен после того, как Набоков перенес из этих страниц в окончательную рукопись шести лекций все, что хотел. Разрозненные страницы «Повествования и комментария», собранные таким образом и добавленные к примерно сорока неиспользованным страницам оригинала, которые были отложены, в настоящем издании составляют соответствующий раздел, в котором недостает всего нескольких страниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.